

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ГРИГОРИЙ АРЛИНСКИЙ

ЗОЛОТАЯ ВЕРСТА

Стихотворения

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2010

Г. М. Арлинский. Золотая верста.
Стихотворения. Составитель Д. Цесельчук
М.: Вест-Консалтинг, 2010. — 40 с.

ISBN 5-86676-012-6

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

- © Г. М. Арлинский, 2010
- © Союз литераторов России, идея издания, 2010
- © Д. Ю. Цесельчук, составление, предисловие, 2010
- © Н. В. Давыдова, предисловие, 2010
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Григорий Арлинский родился 10 августа 1938 года в Москве, в Брюсовском переулке, что недалеко от Тверской, в те годы называвшейся улицей Горького. Поэтому не случайно в его поэзии постоянно присутствует образ столицы: *«Старый тополь с Никитской, / Словно чеховский Фирс»; «Полночный город, / словно старый негр, / Белками фонарей / вращает до рассвета»; «Паду ли я — как пал последний тополь / Последнего арбатского двора?»*. По специальности — техник-офтальмолог: *«Просыпается в каждом зренья / Золотая своя верста»*, по призванию — русский поэт: *«Здесь родина — стихов святая правка»*.

Первая поэтическая книга, в которой он принял участие, вышла, тем не менее, в Колумбии — «Тайные озарения» колумбийского поэта Хосе Антонио Верхилы, в нее вошли 6 стихотворений, переведенных на испанский язык и, соответственно, эти же 6 стихотворений на языке русском (Богота, 1991). Но такой «колумбийский» зигзаг вполне закономерен для истинного поэта: *«Я — калика-искатель, / Облик солнечный львин...»*. Второй была книга стихов «Замкнутый круг», вышедшая в Москве в 1997 году в издательстве «Крипто-логос».

Помимо этих двух книг, были еще газетные публикации во времена литературной группы «Спектр», одним из первых членов которой стал Григорий в 60-ые гг. XX века.

В Союз литераторов России Г. Арлинский вступил в декабре 2006 года, чуть позднее других спектровцев, поэтому его поэтическая подборка не попала в альманах «Вектор творчества — в поисках времени», где целый раздел был предоставлен поэтам воссозданной секции «Спектр». Но поэтический дар Г. Арлинского оказался сразу востребованным в Союзе литераторов: его стихи публикуются в газете «МОЛ», альманахе «Словесность», готовится к публикации поэтический цикл в новой газете Союза литераторов «Литературные известия». Григорий Михайлович Арлинский является государственным стипендиатом в номинации «Выдающиеся деятели культуры и искусства России».

В альманахе «Словесность 2009» была включена книга Григория Арлинского «Золотая Верста», продолжая традиционный для «Словесности» раздел «Книга в альманахе».

Эту книгу, в дополненном варианте, мы и предлагаем вниманию читателя в серии «Визитная карточка литератора», перед читателями она появится в 2010 г., в октябре, столь важном месяце для Григория Арлинского: *«Немного бы побыть мне в октябре! / Поспать в желанном деревянном доме, / Где гаснут мысли, словно свечи дня, / Где, слава Богу, только ты да я, / Где даже вещи, даже вещи помнят / Тепло от рук, способных отогреть... / Побыть бы мне немного в октябре...»*.

Нина ДАВЫДОВА, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

* * *

Храм возникает на холме,
Господь и в сердце, и в уме.
Я брел к нему во лжи, во тьме,
Храм на холме, храм на холме.

Казалось миг — и он взлетит
От суеты от перемен,
Остановись, замри мой стих
Храм на холме, храм на холме

* * *

Душа отмерь, душа отметь
И эту церковь на холме,
И мотыльковый лет листвы,
И годы, что увы, увы...

И, как народная молва,
Права, когда сквозь стену дней,
Летит в сознание первый снег,
На Покрова...

СУЗДАЛЬ

Кто тебя создал, Суздаль?
Из каких возрастал корней?
Облака проплывают как судьбы
Никому неизвестных людей...

И, в мятежную память, тревожа,
Звон твоих колоколен течет,
И Господь пожалеет, поможет —
Кто же нас пожалеет еще?..

* * *

О, тонкий, ломкий звон стекла,
О, синева предзимних луж!
Здесь и у нас дорожка пролегла
Не в глушь, а в глубь...

Когда всплываешь, как во сне,
К себе, от радости немой...
Стихи — они придут поздней,
Придут, как путники домой.

Я нежно вспомню первый снег —
Не тот, конечно, что вчера,
Но, кажется, и мне пора
Слить, что внутри и что извне

В одно, но боязно понять —
Узка у откровенья щель —
Что нелегко глаза поднять
К суду обыденных вещей.

* * *

Где некогда гулял Онегин,
Теперь и мы с тобой прошли.
Я думаю о первом снеге...
Деревья сбрасывают лист.

Листва кружит в садах и парках,
Вплетается в узоры рельс.
Водитель, бойся листопада!
Опасность для движенья есть...

Но наш водитель осторожен,
Глядит он козырем вперед!
Охвачена трамвайной дрожью,
Душа по городу плывет...

Плывет по набережной Пряжки,
Где стук копыт давно забыт...
Лишь фонари горят миражно
Из черных тупиков судьбы.

* * *

Бедный, бедный старик,
Где твой тыл, где твоя половина?

Почему плачешь в церкви,
Словно инок с повинной?

Бедный, бедный старик,
Кто возьмет твою боль, кто теперь
О тебе позаботится...
Строго смотрят со стен
Неземные глаза богородицы.

* * *

Взошли иные времена,
Но почему душа тоскует?
Колоду старую тасует,
Кому, чему она верна?

Взошли иные времена,
Иные песни зазвучали,
Но никого нельзя узнать
Ни в радости, и ни в печали.

Взошли иные времена,
Но меньше ль мучеников стало?
Судьба судьбу переиграла,
Да суть одна — война, война.

Взошли иные времена...

2007

* * *

Может быть, повезет
Нам... таким невезучим...
Осень сети плетет,
Осень плачет беззвучно,
Не заучено; в тон
Цвет зари отмечаю.
Осень — желтый фантом.
Приближаюсь ночами...
Словно в «призрачном» сне...
О, простор ястребиный!
Приближается снег...
Блудным сыном...
Все, что мучило днем,
Отлегло, отболело.
Ночь стоит за окном,
Словно женщина в белом.

* * *

И обмякшее солнце, прищурясь,
Холодеющей шарит рукой,
Словно старый грибник, что, сутулясь,
Возвращался с корзинкой домой.

Однозвучно гремит электричка,
Запрокинулись в даль провода,
И какая-то шалая птичка
То туда пролетит, то сюда...

Сколько троп мы с тобой протоптали,
Сколько влито в них солнц и дождей!
Что ни ветра, ни холода сталью
Не достать торжества наших дней,

Зорь блистательных, лун величавых,
По сентябрьски терпких лесов.
Как бы лето во мне не кричало,
Я уже не откликнусь на зов.

И когда поскупело светило —
Как до боли природа близка!
Это чувство, как песня, застыло
В затаенных глазах старика.

Седовласый, с сутулой спиной,
С легкой палочкой в слабой руке.
Он ступает себе стороною.
Он уже вдалеке, вдалеке.

1966

* * *

Сносит течением... Вряд ли мне выгрести.
Поздно судьбу — на таран.
Нет и печали — давно уже выгрустил.
Выгрузить душу пора.

Рвется сознание... голос из прошлого.
Мама, наверно, а, может быть, ты.
Боже, ведь было немало хорошего...
Кто же хоронит мечты?

Боже, я боль свою вынянчил, выносил.
Некуда больше нести.
Может, простишь, если дальше не выдержу.
Может, простишь...

* * *

Куда не ткнишь — на всем печать проклятья.
И где не ступишь — там горит, горит.
И танковым железным лязгом
Пропитан чудо-материк.

Исхода нет. Повсюду зрят прицелы.
И рев толпы, и ропот ворожбы.
И не понять — как, чем мы только целы,
Столетий проходящие рабы...

1968

* * *

На окраине тихо, тихо.
Каждый звук, словно острый нож.
Одиноко звезда покатилась,
Бесприютный, затравленный гном.

В нашем доме теней нашествие.
Что-то шепчут, а что — не понять.
Месяц машет багровым жезлом
И нацеливается в меня!

Было много потерь — но выпала
Метка черная, боль-судьба.
Безутешною песней выплакать
Незавидную роль раба.

1965

* * *

Эта площадь похожа на черную плаху,
Месяц клонится ниже — красный топор.
Словно конские головы гневно колотятся флаги,
Воет ветер, как леший из далеких эпох.
На сегодня мы все ко всему притерпелись,
Перепели слова, всех богов позабыв...
У старинной стены отчужденно качаются ели,
Словно вечные стражники нашей судьбы.

ноябрь 1966

* * *

Думы ночные — декабрьское небо —
Враз навалились — усталость, усталость.
Или донельзя сработались нервы,
Или свое просигналила старость?
Или уже и дорога не светит,
Разве надломленный месяц в окне?
Да ошалелые мечутся ветви
У тополей, словно руки в огне.
...Тихий лежу, тише вряд ли бывает.
Я забываю, меня забывают.
Лишь неотступный вопрос меня гложет
Дальше-то что же...
Дальше-то что же...

* * *

Эй, куда вы, куда вы?
Город, жадный удав,
Вас машиной раздавит
Государственных прав.

Пойте, пойте, а завтра
Звезды будут темнеть,
Грянут черные залпы,
Красный выпадет снег,

И наследник Иуды,
Окровавив уста,
Нас распяливать будет
На бетонных крестах.

И над бездной столетий
Нам ли помощи ждать?
Словно черные клетки,
Спят в ночи города.

* * *

Соборности надо, соборности,
Гудит Российский народ,
Душе не хватает собранности,
Кто ж ее соберет?

Не нам ли пора покаяться,
Лазаря пой, режим!
Время вчерашних Каинов,
Выхватывает ножи.

Добудем ли в мир спасение,
Долго ли будем тлеть,
О, если бы птицей Фениксом,
Россия могла взлететь!

* * *

Больше мы друг к другу не вернемся,
Это просто словно выстрел в грудь,
Посмотри, как бедный тополь гнется,
Нас судьба ведь тоже будет гнуть...

* * *

Старый тополь с Никитской,
Словно чеховский Фирс:
— Недотепы, — кричит, — недотепы!
Мы дошли до чего, до чего мы дотопали,
Есть ли дело кому до какого-то тополя?

* * *

О, Господи, когда я успокоюсь? — Все суета.
Отчаянно резвясь, проваливаюсь в грязь по пояс...
Когда найду взаимосвязь
Вождей и всяких вожделений,
И вечности, и пустоты?
Когда скрестятся параллели
И мудрости, и простоты?

Когда ветра по проводам застонут,
Застынут дни веселья и добра,
Паду ли я — как пал последний тополь
Последнего арбатского двора?
И кто в дали судьбы необозримой
Услышит мой прощальный, жалкий крик?
Я вырос в третьем, беспощадном Риме,
Его печать горит, на мне горит.

Москва, 1962

* * *

Мне кажется, что дождь идет за окнами,
Но никакого не идет дождя,
То просто ветры тешатся восторгами,
Цыганскими монистами звеня —
Листвой деревьев.

Ну, куда уж проще,
Да и не в роще, в городском дворе,
Где мотыльки ночные в фонаре
Жгут крылья...

Где за каждым утром
Скрывается начало всех начал —
Клубок дорог, который никогда,
Ну, хоть за десять жизней, не распутать.

* * *

Зазвенела зелень
Почек тополиных...
Сколько невезений
На дорогах длинных!

Сколько неурядиц!
Разве все запомнишь?
Солнечногорящий —
Я Москвой заполнен...

Луковки Зарядья
В хлебосольном небе...
Я Москвой заряжен,
Я Москвой занежен,

Я Москвой распахнут —
Взор без укоризны...
Ах, как тополь пахнет,
Пахнет жизнью!..

* * *

Я хотел бы судьбу положить на ладони,
Переплавить потом в золотые слова,
Я когда-то бывал в этом стареньком доме,
Где окно не квадрат, а, скорее, овал.

А когда голубели дожди за овалом,
И металось упругое пламя свечей,
Мне играла хозяйка старинные вальсы...
Незабвенная музыка белых ночей

Окружает меня в этом стареньком доме,
Над которым давно совершен приговор.
Я пытался когда-то судьбу положить на ладони...
Одиноко кружусь, словно загнанный вор.

ЦЫГАНЕ

Проходили там цыгане,
Люди с темною судьбиной,
Долго их костры не гасли,
Словно поле после битвы.

А дороги шли по свету,
Впереди одни дороги...
Я бежал за ними слепо —
Думал, может, это боги?

Я бежал за ними следом —
Думал, нету их счастливей:
Не беда, что крышей небо,
Не беда, что льются ливни,

Не беда, что нет начала...
И что будущего нету...
И меня судьба бросала,
Как фальшивую монету.

* * *

Знать, пора попрощаться,
Время вышло из круга.
Вот и кончилось счастье —
Счастье жить друг для друга.

Ничего не поделать,
Хоть ты плачь, хоть ты вой.
Лишь снежок белый, белый
Над седой головой.

* * *

По ночам возникают видения
На развалинах старых идей.
За окном одиноким свидетелем
Молчаливая тополя тень.

Головою, по-зимнему черной,
Он мотает, как мамонт оттаявший...
А слова по утрам отречённо
Разлетаются белыми стаями.

* * *

Молчите, вслушиваясь в ночь,
Ловите утренние зовы.
Как медленно уходит прочь
Несостоявшееся слово...

Еще с оглядкой, невзначай
Сверкнет, как тусклая зарница.
В неумолимое «прощай»
Срывается и ночь, как птица.

* * *

Деревья, словно кисти
Что обмакнули в кровь,
О, как закат неистов!
О, боже! Как багров!

СИНЕЕ

Синяя музыка — муза окраин.
Даль беспощадно синяя.
Ночь не уходит, бесследно сгорая
На синем кресте России.

Слышите... стоны плывут по полям,
По синим полям, глухим...
Хочется вытолкнуть тягостный кляп,
Выдохнуть песню-гимн!

Хочется жить — и не в вечности суть,
Ни в памяти зыбкой, не в Боге...
О, неужели, и нас не спасут —
Странников синей дороги!

Март, 1968

* * *

Будет сделана ставка последняя,
Приготовьте рулетку, крупье!
Что у вас за душою, наследники?
Время стало намного скупей.

Время стало намного дороже —
Ждет исхода нещадный раскол...
Скоро, скоро на наши дороги
Окровавленный выйдет дракон.

Побежим из зеленого детства,
А куда? Где он, истинный дом?
Будет жутко покоя хотеться,
Но его и во сне не найдём.

* * *

Посвящается Е. А. Д.

Какая дорога останется былью?
Какая надежда превыше даров?
И разве себя мы случайно открыли,
К кресту приковав бесконечных дорог?

Все дальше и дальше, и беды — не беды,
И песни рождаются, падая в ночь,
И радугой время застынет в разбеге
Над полночью истин, не в силах помочь.

Как матери плачут! Как вьюга хохочет!
Но дальше уходят шальные сыны...
Цыганские звезды! Бездонные ночи!
Речные разливы, как синие сны...

Гирлянды огней городов многоцветных,
На синих вокзалах толпятся дожди.
Так трудно прожить и остаться поэтом,
Сквозь ночь прорезаясь, как солнечный диск.

Какие рассветы разбудят нас завтра?
Лиловые пальцы блуждают у глаз...
А песни уходят, рождаясь внезапно,
И долго плывут, как и мы, без угла.

1964

* * *

Ефиму

По белой Москве, по густому, сыпучему снегу,
Навьюченный вьюгами, брел я и брел наугад...
И арки мостов, словно остовы радуг чернели,
И каждый фонарь, словно старец забытый, мигал.

Спешили трамваи, наверно, куда-то к заставе...
За синими окнами — черные тени людей...
Наверно, истина все-таки есть... И простая! —
Умение жить, отвечая за прожитый день.

Бродить по окраинам, птиц неприкаянных слушать,
Сонаты дождей и неистовый гомон листвы...
Над белыми крышами месяц разбуженный кружит —
Отшельник смиренный, бессонное око Москвы.

По старым дорогам, совсем нелегко возвращаться...
Где ждали когда-то лишь ветра январского свист.
Но даже и в мыслях нельзя закричать о пощаде...
А можно ли вечно молчать о любви?

Я знаю, ко мне не придет Санта-Клаус.
С извечным румянцем, жестокий и мудрый старик.
На синих окраинах звезды дрожат, как стеклярус.
А утром — кровавое солнце горит.

* * *

памяти Марины Цветаевой

Марина, уже по лугам
Подмаренник зацвел желтым цветом.
Он был бы под стать
Перу твоему золотому,
Когда бы сумела ты встать.

Извечная песня цветенья,
Как дождь по иссохшей степи,
По иссохшим губам.
Как мучительно это,
 что все зацветает не нам
И не нашим дождям...

Марина, уже нас не мучает страх
Перед стуком дверным.
А все же не мало,
 немало еще неоправданных дней...
Никто не увидел цветов
 на могиле твоей.

* * *

Ты говоришь... О, лучше б ты молчала!
Качает ветер тополя в окне,
И поезда ночами не случайно
Кричат отчаянно, как лошади в огне.

1965

* * *

А. Ф. Ефремову

Зима замедлила движенье,
Но все метели впереди!
Времен спокойному скольженью
Лишь отторжение вредит.
Природа облики меняет,
Но неизменна суть добра.
Все зайцы к сроку облияют,
Для зайцев — самая пора.
Они теперь хитрее с нами,
Привыкли к тактике иной, —
Где раньше бегали кругами,
Уходят только по прямой!
А мы
 и прямо, и кругами...
Нам сладко время обогнать.
За спинами внимает память
И тихо подает сигнал...

* * *

Скоро и вы заболете памятью —
Вспомните даже сурепку окраины.
Листьев-то, листьев-то сколько навалено —
Дворники молча их в кучи сгребают
И поджигают... Горит крематорий...
Горе не горе, а выпадет прах.
Может, успею судьбу перестроить:
Время, ты друг или враг?
Листья шуршат, словно шепчут печально:
— Всех вас огонь отпоет!
Боже, как долго душа обличает
Бедное тело мое!

* * *

Прячется живое по домам,
Торопясь уютами укрыться,
Ранняя нагрянула зима —
Не успели с осенью проститься.

Я в кормушку положу зерна:
Где же вы, московские синицы,
Подлетайте, надо подкормиться,
Ночь-то и длинна, и холодна...

Ночью снег с дождем, не умолкая,
Исхлестали город вкось и вкривь.
То ли я перед тобою каюсь,
То ли ты срываешься на крик?..

Милая, ну в чем мы виноваты?
Где причины смутной суеты?
Мы с тобою — словно два солдата.
Почему, скажи мне, плачешь ты?..

* * *

С Новым годом! Обновленным горлом
Петь, чтоб дух с трудом перевести.
Город мой — обманчивый и гордый —
Как меня ты мучил и растил!

Я пойду, с толпою замелькаюсь,
Елками душистыми дыша...
Вся Москва от центра до окраин
Словно обновленная душа.

В скоморошьем колпаке метели
Город плыл свободно и светло...
С Новым годом, с новой канителью,
С новой сказкой про добро и зло!

1967

* * *

Все мелькают года,
Все бегут поезда,
Нам нельзя опоздать,
Нас нельзя не создать

Вереницею дат, —
 Опоясан любовью,
Но не каждый — солдат
И не каждого — в бой.

Время рвется вперед, —
Все визжат тормоза, —
Нас за горло берет,
Бьет внезапно, как залп.

Разлетается в пыль,
Возникает, как сон,
Время — сложная быль,
Время — жесткий закон.

Смерть — последний этап,
Разве дело за ней?
Усмехнись, эскулап,
За обрывками дней.

СУДЬБА

Отступить больше некуда,
Разве, в пропасть упасть...
Было время мне лекарем,
Да исчерпан запас.

Лишь она — ненавистная,
Стражник судного дня —
Будет душу испытывать,
Будет мучить меня.

* * *

Границами отмечены пределы,
Как белый колокол, качается земля.
Деревья, словно старцы оробелые,
Сгибаются под ветром февраля.

И в полночи, глухой и синеватой,
Как беженцы, испуганной гурьбой
На красный месяц смотрят виновато,
Затаивая ненависть и боль.

Как выжить им — седым и полумертвым?
Повсюду стужа и железа лязг...
Деревья, словно белые знамена,
Склоняются под ветром февраля.

МАРТ

Я начинаю постигать весну,
Как из глубин доставленный кессонщик
вдыхает воздух...

Я давно в плену

У мартовских полуночных бессонниц.

Ложатся блики на зеленый снег,

Не прячась от пронзительного ветра,

Полночный город,

словно старый негр,

Белками фонарей

вращает до рассвета.

Шальные ветры форточки громят,

Вновь слышен гул

оттаявших вокзалов.

И палочками взмахивает Март,

И снег

кричит прощальными глазами.

* * *

Ту весну пережил,
Но сумею ли эту?
Боль узлами вяжи,
Боль — награда поэту.

Не спеши унывать,
Отлучись от разлуки.
Не судьба ли права,
Коль берет на поруки?

Не судьба ли важна?
Правду встретить, как Бога?
Вот приходит весна,
И открыта дорога...

* * *

Все дороги прекрасны,
Если к Спасу ведут,
Кто нас истиной дразнит,
Словно сеет беду?

Мир велик. Может, слишком?
Всюду цепи границ,
На штыки обелисков
Небо падает ниц...

На пороге исхода,
Друг мой, что же ты сник?
Кто из нас в этом хоре
Не отпетый должник?

Кто с последней надеждой
Кличет праведных рать?
Никуда нам не деться —
Будем здесь умирать!

* * *

Больше мы друг к другу не вернемся,
Это просто — словно выстрел в грудь.
Посмотри, как бедный тополь гнется,
Нас судьба ведь тоже будет гнуть...

* * *

Не вернуть мне былого начала,
К небесам разве руки воздеть?
От когда-то родного причала —
Лишь круги по воде, лишь
 круги по воде...

Где ты? Где ты, мой ангел нетленный?
Нет тебя ни светлей, ни добрей.
Из Судьбы, где я — мученик пленный,
Выводи, выводи поскорей...

* * *

Какие могут быть сюжеты?
В поэзии сюжетов нет!..
Фатально торжествует снег,
Еще весною не отпетый,

Входя в сосульчатый орган,
Едва, едва — лишь для настроения...
И сладко чувствовать обман,
Когда весна созвучна крови,

Когда капли краток пульс
И кроток, словно крыш терпенье...
Пока — метелей песнопенья,
Пока — в гробах сугробов путь...

* * *

И холодом веяло с каждой строки
Каким-то глубоким, отчаянным холодом.
И звезды опять были так высоки,
Как могут быть только над городом.

Когда вырастает гордыни стена,
И полночь ложится на плечи окраины,
Поймешь ли ты, как беспощадно снега
Тяжелою синью окрашены?

Как в сонме сомнений житья-бытия
Душа измордуется в тягостном споре.
Но глянешь на месяц, ничуть не таясь, —
Горит, словно шапка на воре.

* * *

Далекое, страшное снится
И мнится, и видится мне,
Как варвары синюю птицу
Сжигают в трехцветном огне.

А город — он вовсе не город —
Агония ада и мук.
И кто-то хватается за горло,
И тянет за огненный круг.

Душа поседела от крика,
От пепла, от черной тоски.
Наверно, конец. Не скрыться
В испытанные тупики.

Закатные, темные шрамы
Над бездной исторгнутых рук.
Как загнанный в пропасть подранок,
Колотится небо вокруг.

Апрель, 1966

* * *

В ночном саду горят на листьях
Алмазы капель дождевых...
Каким еще богам молиться,
Припав к подножью мостовых?

С какую истиною слиться,
К какому берегу пристать?
И где она, царица-птица,
В каких скрывается местах?

Дом-сирота поник напротив,
И безутешен шум листвы...
И ветер все листает ноты
С листа играющей Москвы.

* * *

Время — крылья заката,
Кто подскажет предел?
Всех дорог моих карты
Разметал этот день.

Разметал, разметался
Журавлиной тоской...
Золотым арестантом
Месяц плыл над рекой...

На распятых фронтонах
Почерневших домов
Ветер-мученик стонет,
Словно просит помочь...

Но глаза угасают —
Два костра на ветру...
Но глаза убегают,
Словно лисы в нору...

Скоро выпадут сборы,
Грянет выдержки час...
Над Серебряным бором
Звезды криком кричат...

Октябрь, 1966

* * *

Деревья, охнув, стали падать...
Как на расстрелах в лагерях.
Над ними страшная, как память,
Качалась красная заря.
О, как они, еще живые,
Хватали за руки друг друга...
А мне казалось — небо выжгли,
И оно тоже рухнет.

1966

* * *

Над кладбищем сонным колеса стучат,
Ложатся дорог бесконечные сети.
Откуда исходит начало начал?
Не знаю. Наверно, никто не ответит.

Зарницы мгновений — колесными спицами...
Моргнуть не успеешь, уже промелькнут.
Над кладбищем вьются довольные птицы
И новыми песнями славят весну.

А город встает, поднимаясь над миром,
Над грязью дорог и проклятием рук.
И людям опять достается, как милость,
Великое право на боль и на труд.

1966

* * *

На обнаженные раны деревьев
Сыплется снег — синеватая соль...
Словно под саваном, стынет деревня,
Жадно прижавшись к щетине лесов...

Кто умирят их — водка паленая?
Тяжкий ли труд на износ?

Там за рекой, словно конь запаленный,
Тяжко дышал паровоз...

1959

* * *

Повеяло грозами, ливнями,
Ветрами забытых встреч.
Дороги такие длинные,
Годы — быстрее, быстрее.

Долготерпеньем связаны,
Ждем золотого дня,
Трудно постигнуть разумом
Круговорот огня.

Не уберечь... кончается.
Лето скупей, скупей...
Как посвежело ночами,
Верно, не от дождей!

Дни, как под горку катятся.
Ветров нескончаем рев...
Осень крадется Каином,
У осени свой черед.

* * *

Побыть бы мне немного в октябре,
В его рубашке и в его купели...
Пусть голоса веселые пропели —
Не загрустить о прожитой поре...

Немного бы побыть мне в октябре!
Касаться листьев ласковой ладонью,
Следить, как солнце сонное затонет —
Не загрустить о солнечной поре...
Немного бы побыть мне в октябре!
Пройти сквозь строй развеянной крушины...
Но по какому измерять аршину
То чувство, что приходит на заре?

Немного бы побыть мне в октябре!
Пожить не для себя — в себе немного...
В сыром лесу от легкого озноба
Мне странно хорошо,
Как будто правит бред
Моим сознанием, волей и покоем,
Как будто я с заботами покончил —
Но кто же в них с избытком не горел!

Немного бы побыть мне в октябре!
Поспать в желанном деревянном доме,
Где гаснут мысли, словно свечи дня,
Где, слава Богу, только ты да я,
Где даже вещи, даже вещи помнят
Тепло от рук, способных отогреть...

Побыть бы мне немного в октябре...

* * *

Вернулась женщина ко мне
Совсем негаданно, нежданно,
Так может возвращаться снег
И падать перевозданно...

И обновлено, и легко
Луна качалась над планетой.
И у распахнутых окон
Горело лето...

* * *

Потянуло апрельской прелью
От бульваров и пустырей,
В каждом дереве что-то дремлет
Пробуждающее — не стареть.

В каждом дереве что-то зреет
Созидающее не устать,
Просыпается в каждом зренье
Золотая своя верста.

Слухом выловлю почек стрельбище.
Словно вальдшнеп спешит на зов,
Я бежал к тебе — губы трескались,
Как ловил я твой горизонт.

И теперь, когда прель апрельская,
Словно стон, растеклась, клубя,
Хочешь, буду петь канарейкою —
Для тебя, для тебя, для тебя...

* * *

Тела деревьев тихо била дрожь,
Крестом ложились тени по откосу,
И ты прошла, как мимолетный дождь
Проходит по желтеющим покосам.

А в небе таял, пропадая, звук,
Тяжелым цветом наливались тучи...
Я начинаю новую главу,
Которая и радостней, и лучше!

Я вслушиваюсь в музыку земли —
Она во мне отчетливей и выше...
С протяжным криком всплыли журавли —
О, как они свободно небом дышат!

* * *

Пейзаж высоковольтных линий,
Домишки, скрытые в листве, —
Окутывает сумрак синий
Зеленую земную твердь...

Свершается немое вече,
Момент — и я проникну в суть:
Кому осины рукоплещут
В ночном притихнувшем лесу?..

* * *

Повремени еще, повремени
Пока слетают сиротливо листья,
Пока студено не запахла ливни,
И мы в своем «михайловском» одни.

Пойдем, походим вдоль лесной канавки,
Где лось трубил победную зарю,
Где я не громогласно говорю,
Что мы с тобой, ну, чем не аргонавты?

И осени золоторунным дивом
Просветлена пространственная даль
И золотые, легкие ладьи —
Плывут деревья, но зачем? Куда?

А ты куда?.. Побудем здесь, побродим,
На эту роскошь вычувствив сердца,
И не беда что тучи верховодят,
Впитав цвета и стали, и свинца.

Здесь родина — стихов святая правка,
И торжество стихий, и свежесть сил...
И не проси уехать, не проси,
Пойдем, походим вдоль лесной канавки.

1971

ОСЕНЬ

Не пришла она — подкралась,
И пошла играть клубком,
Все печали размотала,
Встала, словно горький ком.

В горле времени — нет жизни...
Нет — в сознании ином...
А, бывало, только свистни —
Хоть за золотым руном!

* * *

Обними меня, Осень,
Освети, осеки...
Словно совести гости,
Златоглавые дни.

Я — калика-искатель,
Облик солнечный львин.
Где, скажите, соткали
Небо нашей любви?

Где, скажите, возможно
Снять вериги судеб?
Боже, где же Ты, Боже?
Где твой истинный хлеб?

СОДЕРЖАНИЕ

«Храм возникает на холме...»	4
«Душа отмерь, душа отметь...»	4
Суздаль	5
«О, тонкий, ломкий звон стекла...»	5
«Где некогда гулял Онегин...»	6
«Бедный, бедный старик...»	6
«Взошли иные времена...»	7
«Может быть, повезет...»	7
«И обмякшее солнце, прищурясь...»	8
«Сносит течением...»	9
«Куда не ткнишь — на всем печать проклятья...»	9
«На окраине тихо, тихо...»	10
«Эта площадь похожа на черную плаху...»	10
«Думы ночные — декабрьское небо...»	11
«Эй, куда вы, куда вы?...»	11
«Соборности надо соборности...»	12
«Больше мы друг к другу не вернемся...»	12
«Старый тополь с Никитской...»	12
«О, Господи, когда я успокоюсь?...»	13
«Мне кажется, что дождь идет за окнами...»	13
«Зазвенела зелень...»	14
«Я хотел бы судьбу положить на ладони...»	14
Цыгане	15
«Знать, пора попрощаться...»	15
«По ночам возникают видения...»	16
«Деревья, словно кисти...»	16
«Молчите, вслушиваясь в ночь...»	16
Синее	17
«Будет сделана ставка последняя...»	17
«Какая дорога останется былью?...»	18
«По белой Москве, по густому, сыпучему снегу...» ..	19
«Марина, уже по лугам...»	20
«Ты говоришь... О, лучше б ты молчала!...»	20
«Зима замедлила движенье...»	21
«Скоро и вы заболете памятью...»	21
«Прячется живое по домам...»	22
«С Новым годом! Обновленным горлом...»	22
«Все мелькают года...»	23
Судьба	23
«Не вернуть мне былого начала...»	24

Март.....	24
«Ты весну пережил...».....	25
«Все дороги прекрасны...».....	25
«Больше мы друг к другу не вернемся...».....	26
«Не вернуть мне былого начала...».....	26
«Какие могут быть сюжеты?..».....	27
«И холодом веяло с каждой строки...».....	27
«Далекое, страшное снится...».....	28
«В ночном саду горят на листьях...».....	29
«Время — крылья заката...».....	30
«Деревья, охнув, стали падать...».....	31
«Над кладбищем сонным колеса стучат...».....	31
«На обнаженные раны деревьев...».....	32
«Повеяло грозами, ливнями...».....	32
«Побыть бы мне немного в октябре...».....	33
«Вернулась женщина ко мне...».....	34
«Потянуло апрельской прелью...».....	34
«Тела деревьев тихо била дрожь...».....	35
«Пейзаж высоковольтных линий...».....	35
«Повремени еще, повремени...».....	36
Осень.....	37
«Обними меня, Осень...».....	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ АРЛИНСКИЙ
Золотая верста
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 20.09.2010
Подписано в печать 08.10.2010

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75